

Народная артистка Светлана Брагарник и ее партнер по спектаклю «Страх» Евгений Сангаджиев поговорили о смертельной любви к профессии, Марлен Дитрих и кошечках.

Е.С: Очень много интересных людей приходит на наш спектакль, и они потом пишут. В основном про Вас, конечно.

С.Б: Ты моя радость.

Е.С: Все хорошо. Я не буду задавать Вам каверзных вопросов. Только вот что у Вас за парфюм?

С.Б: Magie Noire называется.

Е.С: С ума сойти. А про магию кино расскажите. Я посмотрел тут одну работу с вами, фильм «Сатана» — прекрасный. Как Ваша жизнь в кино после этого сложилась?

С.Б: Очень плохо. До «Сатаны» у меня было что-то, я уж и не помню. А тут совершенно случайно на меня набрела ассистент по актерам Виктора Аристова.

Е.С: А он же работал с Германом?

С.Б: Всю жизнь был у него второй режиссер. Когда он окончил институт и снял свой первый фильм, его категорически вычеркнули из списка тех, кому можно снимать кино. И он с огромным трудом устроился к Герману, который сказал, что кровью ляжет, но его к себе возьмет. Причем на Викторе Федоровиче была огромная часть работы: он находил артистов, нашел весь состав для «Лапшина» («Мой друг Иван Лапшина» — прим. редактора), весь состав для «Двадцать дней без войны». И, в конце концов, ему разрешили. Первый фильм его был «Порох». Я там играла главную женскую роль — на экране была минуты три. Фильм был военный, мужской. Он был снят жестко, такой гиперреализм. Ну недаром Виктор Федорович с Германом работал. А меня нашли просто вот здесь в театре.

Е.С: А что Вы тут играли?

С.Б: Я здесь все играла в тот момент.

Е.С: Но Вам понравилась роль в «Сатане»? Как Вы придумали эту хромоту?

С.Б: Я тебе расскажу, это страшная история. Это история совпадения режиссера и актрисы. Он меня утвердил. Долго говорил: «Бубубу, она слишком хорошенькая...». Я приехала уже «утвержденная» в Ростов на съемки. Кстати, Кирилл Серебренников, по моему, на эти съемки приходил. Он еще был молодой и ходил на нас смотреть. И вот я вижу, от меня вся группа прячет глаза. С роли меня, что ли, сняли? Ну, так скажите. Прихожу к режиссеру, говорю: «Виктор Федорович, ну скажите мне правду, ну что она без ноги, что ли, будет? — Нет, только хромая».

Е.С: А Вам тяжело через всю жизнь нести этот крест?

С.Б: Какой крест, дорогой мой?

Е.С: Ну красавицы, красивой женщины.

С.Б: Как это трогательно. Ну какой красавицы, что ты.

Е.С: Почему же, это очень серьезный вопрос. Отношение к жизни.

С.Б: Ну вот послушай, у нас был такой спектакль «Марлен» про Марлен Дитрих, Лени Рифеншталь, и их не случившуюся встречу в воображении умирающих старух. И Яшин меня позвал и говорит, вот роль, где вы будете играть Марлен Дитрих. Я говорю: «Вы что, с ума сошли? Марлен Дитрих красавица, высокая, стройная. Я маленькая, коротенькая, квадратненькая, славянская женщина». Он говорит, а почитайте. Я открываю роль: «Ворох грязного белья, черно-серого. Из вороха подушек торчит голова беззубой старухи с розовыми перьями на лысой голове». Я думаю: «Вот! Вот это я понимаю».

Е.С: А какая Ваша любимая роль? Я понимаю, что многие еще не сыграны.

С.Б: Ой, Женька, твоими бы устами.

Е.С: А Вы все сыграли? Джульетту, Офелию?

С.Б: Даже в молодости никаких Джульетт и Офелий. Я была угрюмая, тяжелая.

Е.С: А вот что вы не сыграли, но хотели бы сыграть?

С.Б: Я тебе скажу. Снегурочку Островского. Я мечтала! Всегда себя готовила. А ничего не получилось.

Е.С: А я играл Мороза.

С.Б: О! Когда я читала эту историю, она сложно написана, она такая фольклорная. Но там есть такой момент фантастический, когда Весна там ее трогает, холодную Снегурочку, и она: «Ах!». Слушай, ты мне шутки давай! А ты со мной серьезный затеял разговор. Про кошечек давай поговорим.

К.М: Может быть, перед тем, как перейти к кошечкам обсудим совместную работу над спектаклем «Страх». Меня как зрителя, поразило, как Вы забирались на эту хрупкую конструкцию из столов и стульев.

С.Б: Мы же должны были там наверху сидеть! Хорошо Женьке, он пластик, из театра Sound drama, красавец, тонкий. А я грузная, тяжелая, с больными ногами. Мне вообще тяжело ходить.

Е.С: На сцене этого не видно.

С.Б: Это только любовь к профессии. У нас была одна репетиция, когда мы залезали на третий этаж.

Е.С: Смертельная!

С.Б: Я ничего не понимала, кроме одного — я сейчас умру. Я была мокрая, как мышь, с оголтелыми глазами. После этого режиссер наш, чудесный, гуманистический человек, говорит: «Ну а если вы будете на лонже играть?». Вот тут я чуть не сорвалась.

К.М: Женя, а Вы боялись за Светлану Михайловну?

Е.С: Ни капли, я был в ней уверен. Это очень важная штука, потому что через эту физику пришла какая-то хрупкость, балансировка. Было интересно. Было бы круто, если бы мы на верхний этаж забрались. Но для этого нужна была бы другая конструкция.

К.М: Физика обостряет психологию?

Е.С: Конечно, это опасность.

С.Б: Наоборот, она убивает. Думаешь только о том, как не разбиться. Не знаю, у нас с Женей, конечно, сразу контакт какой-то возник.

Е.С: Светлана Михайловна подарила мне черепаху.

С.Б: Моя радость. Неживую, но красивую.

Е.С: Это к разговору о том, что наши отношения построены на мудрости. Я хитрый, думаю, так, со Светланой Михайловной будем работать. А же не знал, какая она.

С.Б.: Думал, сейчас придет раздутая пава, старой русской школы народная артистка, дважды орденосец с кучей премий.

Е.С: Да нет, я так не думал. Но читая всю эту историю, понимал, что будет трудно. Надо, думаю, Светлану Михайловну сразу в себя влюбить.

С.Б: Он принес букет мне, да. Мы еще были почти не знакомы. Ну, встречались так в коридоре. Вдруг, тук-тук в гримерную. Заходит с огромным букетом: «Поскольку Вы должны влюбиться в меня, вот Вам букет». И так мы пошли на репетицию.

Е.С: А что с музыкой у Вас?

С.Б.: Как я сказала Кириллу, когда он спросил: «Вы поете?» — «Дай вам Бог этого никогда не услышать».

Е.С.: А какую Вы любите музыку?

С.Б.: Классическую. Гайдн, Вивальди, Моцарт.

Е.С.: Я сейчас прямо представил, как вы дома сидите и слушаете пластинку.

С.Б.: Мало. Я вообще люблю тишину.

Е.С.: Тишину — это да. Я еще знаю, что вы любите кошечек. Как Вашу кошечку зовут?

С.Б. (улыбается): Свирочка.

Е.С: Свирочка? В честь чего это?

С.Б.: Сейчас объясню. Понимаю, что для тебя это очень важно, поэтому расскажу подробно. Я отдыхала в Плесе, там есть такой дом отдыха актерский. Плес вообще такое место русское, старое. Правда там сейчас много олигархов, и они все испортили, конечно. Но вообще это чудное, заросшее мхом, козы ходят по дорожкам — мое любимое. Волга

течет вся зеленая. Я туда езжу каждый год. И вот как-то раз, когда там Ирка Выборнова была, иду я из церкви. Вижу, лежит шкурка. Убитое животное. Я думаю, что это такое за ужас. Прохожу мимо и вдруг она ко мне: «Мяу», — лежит вот такое котятко, беленькое, с рыжими и черными пятнами, на голове такой паричок, как у приказчика. Глаз один зеленый, один синий. Ручки тянет, говорит: «Мама». Я, конечно, ее схватила, к груди прижала, притащила в комнату. Ирку позвала, она говорит: «Если до утра не сдохнет, значит, будет жить». Мы вымыли ее, зеленкой намазали, блох вывели. Утром уже она бегала. И поскольку у нее один глаз, как у меня, а другой, как у Ирки, я так ее назвала: «Св-Ирочка».

И вот она живет красавица, королева моей жизни. Все, что она хочет.

Е.С: Вы возите ее на отдых?

С.Б: Конечно. Привожу ее в Плѣс и говорю: «Свирочка, это твоя родина».

Е.С: А Вы из Риги же, правильно?

С.Б: Родилась я на Сахалине, но года в 3-4 меня привезли в Ригу, и я там жила до поступления в ГИТИС.

Е.С: Вот видите, и Влад Наставшев приехал из Риги по Вашу душу.

С.Б: Меня страшно потянуло туда, последние два Рождества католических я там проводила. Ну, там папа похоронен. Мама здесь.

Е.С: А чем занимались Ваши родители?

С.Б: Папа офицер, военный моряк. У меня до сих пор кортик его висит над кроватью. А мама бесконечно бездельничала и только до старости лет пошла работать экономистом по образованию.

Е.С: И она Вами занималась?

С.Б: О, я была страшной девочкой. Пришпиленной к маминой юбке. Вот как у Достоевского в «Белых ночах» была внучка, пришпиленная к бабушкиной юбке. Я не была ни в пионерских лагерях, ни в яслях, ни в садах, нигде никогда. Моя глупая дурная молодая мама пошла провожать меня в школу. И когда меня забрали за ограду, я стала так кричать: «Отпустите меня». Это был мой первый день в школе. Я прямо вспухла вся от слез.

Е.С: Вы говорите про слезы? А вот когда Вы счастливы?

С.Б: Я, наверное, не знаю такого понятия.

Е.С: То есть, все впереди?

С.Б: Я надеюсь.

Записала Камила Мамадназарбекова.

© <http://gogolcenter.com/>

Орфография и пунктуация изменены.